

НИКИФОР КАЛИНОВИЧ СЕМЕНОВ

Не только в своей деревне Белощелье Лешуконского района, но и в окрестных деревнях Никифор Калинович Семенов пользовался большой популярностью, любовью и уважением. «Дядя Микеша», как его все звали, — «всему миру дядя». «У нас—то дядя по Мезени первый, всемирный дядя». Эта популярность была обусловлена не только его личными свойствами — приветливостью, веселостью, готовностью прийти на помощь, но и особыми знаниями, недоступными рядовым крестьянам. Его возили по деревням «здороваться», т. е. выполнять на свадьбах роль первого дружки. Об этом сам Никифор Калинович с гордостью говорит, что это «не всяк знает». Видимо, он действительно был замечательным мастером дружкового дела. Приговоры дружки, от него записанные, обнаруживают большое искусство и остроумие. Последний раз в качестве «здоровальника» Н. К. участвовал в свадьбе всего лишь 5 лет назад перед приездом на Мезень экспедиции. В 1928 г. ему уже было 75 лет.

Кроме того, дядя Микеша «метал кровь» и останавливал кровотечение, что в прежние годы высоко ценилось в глухих мезенских деревнях, часто на многие десятки верст оторванных от медицинского пункта.

Хорошо он был известен и как сказитель былин и сказок. Тому и другому он научился еще в молодые годы на рыбных промыслах от стариков. «На озерах сядут пороть рыбу, спать хочется, так чтоб не заспать, сказки сказывают старики, старины поют. А мы, молодые, от них учимся».

Никифор Калинович грамотный. Служил 3 года (с 1875 по 1877 г.) во флоте, был в заграничном плавании, между прочим побывал в Нью—Йорке.

Затем после несчастья, которое с ним случилось — падения с мачты и тяжелых ушибов, его уволили на два

года, по истечении которых его окончательно освободили. В 1928 г. он жил вместе со своей замужней дочерью. В доме была исключительная чистота, и был замечен достаток.

234

Эпический репертуар дяди Микеши интересен тем, что включает несколько редких на Мезени сюжетов. С текстовой стороны былины отличаются своеобразием и значительно отходят от традиционных мезенских типов, что, возможно, обусловлено широким общением исполнителя в былые годы не только с мезенцами. Но тексты заключают и несомненные признаки деградации. Очень интересны напевы, и хотя голос Н. К. уже был слаб и во время пения прерывался, но исполнение захватывало слушателей своей подлинной артистичностью.

Кроме былин, от Н.К. Семенова мною записаны стих об Оникс—войне, который он исполнял с большой выразительностью и мастерством, несколько старинных и редких заговоров, приговоры дружки, а И.В. Карнаухова записан ряд сказок. (Рукоп. хранил. Фолькл. ком., колл. V.)

235

27

ДУНАЙ

Ай во стольнѣм во городи было Киеви,
 А у ласкова князя да у Владимира
 Заводилосе пированьѣ да столованьѣ,
 Заводилосе столованьѣ да почесѣн пир
 5 Как для тех же князей да тех боеров,
 Как для всех сильних могучих боѣатырей.
 Ище вси на пиру да напивалисе,
 А как все ле на чесном наедалисе,
 А как все на пиру—ту приросхвастались.
 10 А как сильнии хвастают своей силою,
 А боѣаты—те хвастат золотой казной,
 А инии—то хвастают конями—то добрыми,
 А умный—то хвастает да молодой женой,

А безумной—ёт хвастат старой матерью.¹

- 15 А Владимир князь по горёнке похаживат,
Он ведь жолты—те кудёрышка ле расчесыват.
Говорит тут красно солнышко да Владимир князь:
«Уж вы хой еси, князя да мои боеры,
Уж вы все ли могучии мои боһатыри,
20 У нас все же нонече были пожонены,
А как красны—те девушки были повыданы,
А один только я не жонат живу.
Вы не знаете ле мне—ка молоду жону?
А ище ростом в меня была и личиком бела,
25 А руса коса была до поеса,
А как оци—те ясны как у сокола,

236

А как брови—те были как у соболя».

Выскакивал Добрынюшка Микитич блад,

Говорил Добрыня да таково слово:

- 30 «Ох ты хой еси, красно солнышко Владимир князь!
Ты позволь—ко позволь мне слово молвити,
Слово молвити да речь говорити».
Да респроговорил красно солнышко Владимир

князь:

«Говори—ко, Добрынюшка, что тебе надобно».

- 35 Говорит Добрынюшка Микитич блад:

«Уж я знаю тебе да боһосужону,

Боһосужону да красну девицю.

Уж и ростом в тебя она, личиком бела,

Да руса—то коса у ей до пояса,

- 40 А как оци—ти ясны да как у сокола,

А как брови—ти чорны как у соболя.

(Забыл у какого князя)

У того же да князя да леховинского,

У него есть ноне кнегина Опраксея,

Ищо можно ехать да посвататься,

¹ 13-й и 14-й стихи — явная оговорка.

- 45 «Как добром не даст, так мы силком возьмём.
Ищо сватом—то послать да Илью Муромца,
А второго—то Добрынюшку ле да Микитичя,
А третьёго Дуная сына Ивановичя».¹
— «Уж вы съездите удалы добры молодци,
- 50 Уж вы сильнии могучий боһатыри,
Если сосватаете, то награжу я вас,
Награжу вас да золотой казной».
Они выходят на широкий двор,²
Седлают—уздают да коней добрых,
- 55 А накидывают они седёлышка да черкасьские,
А подтягивают подпружецки шелковые,
И двенадцеть подпружепков да знать с
подпружою,
Да накидывают цепочки да всё серебряные,
Да не ради басы — ради крепости,
- 60 Чтобы конь из—под их нонече не выпренул.
Ай да скакали они да на добрых коней,
Только видел красно солнышко Владимир князь,
- 237
- Как скакали они на добрых коней..
А не видел он поездки да боһатырское.
Только видит во чистом поли туман стоит,
- 65 Как туман—от стоит да пыль столбом валит.
Приехали они ко князю как леховиньскому,
А не спрашивают они у ворот нонь да
приворотников,
Да не спрашивают они среди двора караульщиков,
Как въезжают добры молодци на широкий двор.
- 70 Ай да соскакивают с коней да добрых,
Как привязывают к столбу да дубову
Как за те же за колечушка за серебряны.

¹ Дальше, сказал, хорошо не помнит.

² Вариант при словесной передаче:

Выходили добры молодци да на конюший двор.

И пошли—то они во гринюшки во светल्या,
 Идут они да по красну крыльцю,
 75 А ступешок о ступешок да догибаетци.
 А заходили они во гринюшки во светल्या,
 Они кланяютця князю да до поеса:
 «Уж ты здраствуй нонь, ты князь да Бугригорьевич!
 — «Уж вы здраствуйте, дак удалы добры молодци,
 80 Уж вы сильни могучие боһатыри!
 Я не знаю имени ведь и вотчины,
 Я не знаю великого отчества,
 Вы куда едете, вы куда путь держите?
 Али приехали послужить мне да верой—правдою?»
 85 Отвечаёт—то тут старой козак да Илья Муромец,
 Говорит—то он да таково слово:
 «Не служить мы приехали к тебе — посвататься
 Да на той же кнегины да на Опраксеи,
 За того же за князя да за Владимира,
 90 Если добром не даш, то силком возьмём».
 Говорит—то князь таково слово:
 «Не отдам я за князя за Владимира».
 — «А добром не даш — мы силком возьмём».
 Они пошли во гринюшки во девочии,¹
 95 Они брали кнегину за белы руки,
 Выводили кнегину да на красно крыльцё,
 Посадили кнегину да на добра коня.
 А выходит ноньче князь на красно крыльцо,

238

Говорит—то он да таково слово:¹
 100 «Ох вы хой еси, удалы да добры молодци,
 Уж вы сильни могучия боһатыри!
 Обратитесь—ко во гринюшки во светल्या,
 Ищо я нонече я вас нонь употчую».²

¹ Вариант, сказанный словами:

Они пошли да во девичьи полаты да белокаменны.

¹ При пении этот стих пропущен.

Говорит тут старый казак Илья Муромец,
 105 Говорит—то он таково слово:
 «На приезде—то гостей ведь да не употчевал,
 На поезди гостей дак не употчевать».
 Как поехали добры молодцы во Киѣв град
 Как к тому же ко князю ко Владимиру,
 110 Привезли ёму кнегину нонь Опраксею.
 Она ростом в ёго и личиком бела,
 Да руса—то коса у ей до пояса,
 А как очи—ти ясны да как у сокола,
 А брови—те черны как у соболя,
 115 А как князю Владимиру невеста да нонь
 понравилась,
 И сделали они да нонече свадьбу,
 А как их ноне князь да пожаловал
 И поблагодарил он сильных, могучих богатырей,
 Наградил он их золотой казной.
 Конечь.

28

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

В городе Муроме селе Карачарове был жил Илья Муромец. Сидел Илья Муромец тридцать лет, не мог он ходить, у его ноги было ровно верёвки легались. В одно время пришли три старца и просят у его напиться. — «Рад был бы вам подать, старцы, напиться да у меня ножечки не служат». — «А ну—ко встань да попробуй!»

Он встал и пошел во глубок погреб. Налил он братыню пива. Они взяли и говорят: «Ну—ко выпей—ка сам наперед!» Хорошо, он выпил. — «Ну, что ты чувствуешь?» — «А у меня появилась

² Вариант, сказанный словами:

Соберу я ныне вам пир да беседушку.

нынче силушка». — «Ну—ко пойдй, налей другу пива пьяного нам выпить».

Он опять вынес им братыню. — «Ну—ко выпей еще ты сам!»

Он выпил. — «Што ты теперь, Илья Муромечь, чувствуешь?» — «Чувствую я силу агромадную, — говорит. — Если закопан был в сыру землю столб, повернул я сыру землю вверх дном». — «Ну—ко пойдй налей нам еще третью братыню!»

«Ну—ко выпей ещо сам, Илья Муромечь!» — «Только чувствую я теперь — у меня убыла силушка наполовинушку». — «Ну довольно тебе, Илья Муромечь, этой силушки. А тебе во чистом поле смерть не писана».

Хорошо. А была у его у отца—родителя созвана помочь чистить чащенину. И побежал Илья Муромечь ко своему родителю на помощь. И почал он рвать и ломать тёмный лес. Отец удивился своему сыну.

(Вот я тут забыл, как достал коня доброго и сбрую богатырскую.)

Он седлал да коня доброго,

И простилса он да с отцом с матушкой,

И скакал он на добра коня.

И поехал Илья Муромец в путь да во дорожечку,

5 И приехал он в деревню да во Черниговку,

Он и спрашивает дорожку да премоезжую.

— «Ох ты хой еси, удалый да добрый молодец,

Залегла та дорожецка уже тридцеть лет.

Как по той—то дорожецке есть три заставушки:

10 Перва—то застава да лесы тёмныйи,

А вторая—то заставушка да греди чорныйи,

А третья—то заставушка — есть Соловей да розбойничок,

Он сидит—то нонь да на двенадцеть дубов,

Не пропускает он ни конного ни пешего,

15 Убиват он своим громким голосом».

Скакал тут Илья Муромечь опять на добра коня,

И приехал он да к лесу тёмному.
Слезывал Илеюшко со добра коня,
Он одной рукой да нонь коня ведёт,
20 А другой рукой он ведь лес ломат,
Он ведь лес ломат да он мосты мостит.

240

Он проехал ноньче Илья Муромечь да две
заставушки,

Он выехал да Илья Муромечь на луга да на
зеленые,

Увидал Илья Муромечь двенадцать дубов,
25 На дубу—то сидит Соловей он розбойничок.

Засвистал Соловей да по соловьиному,
Заревел Соловей да по звериному,
Замызгал собака да по собачьему,
Зашипел Соловей да по змеиному,

30 А под Ильёй Муромцем конь да на коленца пал,
От того—то от рёву от соловьиного.

И бьёт Илья Муромечь коня да по крутым ребрам:

«Ох ты конь—то конь да травеной мешок!

Не слышал ты, конь, свисту да соловьиного,

35 Али рёву ты, конь, да звериного?"

Вынимает Илья Муромечь да ле тугой лук

И вынимает из кольчяна да калену стрелу,

И спускает он калену стрелу да в Соловья
розбойника.

И впилась та стрела ему да в правой глаз,

40 И пал Соловей да как овсяной сноп.

Он свезал Соловья да розбойника

И привезал его к седёлышку черкаському,

И поехал Илья Муромечь опять в путь да
дорожецку.

А надо ехать мимо Соловьиного да высока терема,

45 А у Соловья—то было да две дочери,

Кинулись эти дочери отымать отца.

Говорил тут Соловей дочерям: «Дети милые!

Когда я не мог состоять с этим удалым добрым
молодцем, вам подавну
не состоять.

Вы просите лучше его да во высок терем,
50 Вы угостите его чем вы можете».

И стали просить они Илью Муромца во высок
терем,

А они вздумали да Ильюшку изловить его.

У них поднята была подворотня со зазубрами,

Она не лёгка не мала — восемьсот пудов,

55 Хотели они Илью Муромца прижать подворотнею.

Увидел Илья Муромец эту ловушечку,

И ударил он коня да по крутым бедрам,

И поехал Илья Муромец он да во Киев град,

241

Да к тому же ко князю да ко Владимиру.

60 Он приехал Илья Муромец да во Киев град,

К тому же да ко князю ко Владимиру.

И зашел Илеюшко во гриднюшки во светлые,

А у князя Владимира было пированье—столованье

Для всех—то кнезей для всех боеров

65 И для сильных могучих богатырей.

Он зашел да во гриднюшки во светлые,

Он ведь крест—то кладёт по писаному,

А поклон он ведёт по учёному,

Он ведь кланяется да на все стороны,

70 А князю Владимиру с кнегиней Апраксеей на
особицу:

«Уж ты здравствуй, красно солнышко Владимир
князь,

Уж вы здравствуйте, князья да все боера,

Уж вы сильные могучие богатыри!»,

Распроговорил красно солнышко Владимир князь:

75 «Я не знаю тебе ни имени ни вотчины,

И не знаю тебя да отчества.

Ты какой земли, какого городу?»

— «Уж я города ноньче да Мурома,
А села—то я да Карачарова. во
80 А зовут меня Илеюшко да Илья Муромец.
Да сын Иванович».
— «Ты покудова ехал, покуда путь держал?»
— «Уж я ехал дорожкой да премоеждею».
Говорят все сильнии мохучие бохатыри:
85 «Ох ты пой еси, красно солнышко Владимир князь!
Во очах—то детинка да завираетце.
Уж где ему проехать дорожка—то премоеждея?
Залегла та ведь дорожецка тридцать лет
От того—то Соловья нонь да розбойника».
90 —«Ох ты хой еси, красно солнышко Владимир
князь,
Если вы не верите мне, то пойдемте, я привёз
розбойника на двор к
себе».
И пошли все князя—боеры на широкой двор,
Уж все сильнии мохучии бохатыри,
И красно солнышко Владимир с кнегиней со
Апраксею,
95 Они вышли все да на широкой двор,
Он ведь князя—то взял под праву руку,
А кнегину—то взял под леву руку

242

И приказал он розбойнику засвистать ему в
полсвиста;
И зареветь Соловью нонче в полрева,
100 И замызгать собаке в половина мызга.
Тому де Соловей да не поверил же,
Засвистал Соловей да во весь нынче свист,
Заревел Соловей да во весь—то рёв.
Все кнезя—боеры да испугалисе,
105 На карачках по двору да напоззалисе,
А Илья Муромец с кнегиной да Опраксеей
Едва живы стоят.

(Он их под руки поддерживал.)

- Говорит—то красно солнышко Владимир князь;
 «Ох ты хой еси, да удалой доброй молодец,
 110 Ох ты хой, Илья да Илья Муромец,
 Да сын Иванович,
 Ище эта нам шуточка не надобна,
 Ты уйми Соловья ноньче розбойника».
 Он хватил Соловья да за резвы ноги,
 115 И вызнел он выше своей буйной головы,
 И ударил он его да о горячъ камень,
 И росшиб он его Соловья да в крошечки.
 И взял красно солнышко Владимир князь
 Илью Муромца за белы руки
 120 И ввел его в гриднюшки во светлыи,
 И посадил он Илеюшко ещо выше всех,
 И стал он Илеюшко нонь потчевать.
 Принесли Илеюшке чару да зелена вина,
 И не малу не велику да полтора ведра.
 125 И берёт—то Илеюшко одной рукой,
 И выпивает Илеюшко на единой дух.
 Поднесли Илеюшке мёду сладкого турий рог,
 Берёт Илеюшко одной рукой,
 Выпивает Илеюшко да ко одному духу.
 130 Говорит—то Красно солнышко да таково слово:
 «Вот тебе, Илеюшко, я дам честь и славушку,
 Над кнезями ты будеш ещо выше всех.
 Над боһатырями то ты будеш да ещо выше всех».
 Вставал тут Илеюшко да на резвы ноги
 135 И кланялся Илеюшко до поеса.
 Про Илеюшку эта славушка да всё окончилась.

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Ой во стольнѣм во городи было во Киеви,

Да у ласкова князя да у Владимира
Заводилосе пированиё—столованиё,
Заводилосе столованиё почестён пир.

5 Ище все ли на пиру дакы напивалисе,
Ах как все ли на чесном дакы наедалисе,
Ище все ле на пиру приросхвастались,
Как один.молодец сидит не пьёт не ест,
Он не пьёт—то не ест, сидит не кушайт,¹

10 Ищо белой лебёдушки не рушайт.

Говорил тут красно солнышко ле да Владимир
князь:

«Ох ты хой еси, Иван сын да Годинович!
Уж ты што же ты сидишь не пьёшь не кушаёшь,
А как белой—то лебёдушки не рушаёшь?»

15 Вот проговорил Иван сын Годинович:

«Ой ты хой еси, красно солнышко Владимир князь!
Ище все у нас в городи пожонёны,
А как красные девушки повывданы,
А один—то ле я не жонат живу,

20 Ты позволь—ко позволь да женитисе».

Говорил красно солнышко Владимир князь:

«Ты жонись—ко жонись, Иван да сын Годинович,
Ты бери—тко во городе Киеви,
А не надо те во городи ле во Киеви —

25 Ты бери—тко во городи ле во Чернигови».

Роспроговорил Иван сын ле да Годинович:

«Я не возьму во городи во Киеви,
Мне не надо во городи и в Чернигови,
Я возьму—то во городи ле то во Ляхови,

30 У того же нонь князя ляховиньского

Ищо то Настасью да Бугригорьевну».

— «Ох ты хой еси, Иван сын да Годинович,
А и той те невесты не владать будёшь».
Разгорелось да серце бохатырьскойё,

¹ Стих 7 при пении на фонограф был пропущен

35 А он скакал Иван да на резвы ноги,

244

Он одной—то ногой на дубовой стол,
А другой—то ногой на серёдку пол.
Побежал тут Иван дак на красно крыльцо
Да к тому же нонь родителю:

40 «Ох ты хой еси, батюшко родимой мой!
Уж ты дай блаґословленьицо да жонитисе».
— «Ты жонись—ко жонись, Иван да Годиновиць».
Выходил тут Иван да на красно крыльцё,
От крыльця он пошел да ' конюшой двор.

45 Он седлал тут коня да коня доброго,
Он накинул седёлушко черкасьское,
Он подпряг тут двенадцеть подпруг с подпругою,
А накинул ноньце чету железную,
А не для ради басы, а для крепости,

50 Из—под ёго штобы конь не выпренул,
Он поехал ко князю к ляховинскому.
Он приехал ко князю к ляховинскому,
Он заходит во гриднюшки во светлыя.
— «Уж ты здраствуй, Иван да сын Годиновиц,

55 Ты приехал да ко мне верой—правдою?»¹
— «Не служить я приехал — посвататьсэ
А на той же Настасьи Бугригорьёвной».
— «Ох ты хой еси, Иван дак сын да Годиновиць!
У меня Настасья у меня да просватана

60 За того же арапа нонь заморьского».
Розгорелосё у его сердце да боґатырскоё,
Он пошел тут Иван да сын да Годиновиц
А в те же полаты да белокамянны,
Ище где живёт Настасья да Бугригорьёвна.

65 Он и брал Настасью за белы руки,
Выводил он ей на красно крыльцё.
Говорил тут князь да Бугригорьевиц:

¹ Очевидный пропуск: «служить верой—правдою».

«Ты постой—ко, Иван да сын да Годинович,
Ты пойдём—ко во гридни мои во светлыя,
70 Ты поеш—ко попей ты да покушай—ко».
Говорил тут Иван да сын да Годинович:
«На приезде нонь гостя не употчёвал,
На поезде нонь гостя нонь не употчуёш».

245

Как скакал тут Иван да сын да Годинович,
75 Он скакал тут Иван на добра коня,
Он повёз тут Настасью да Бугригорьевну.
Они едут с Настасьей по чисту полю,
А они роскинули [шатёр] да белобархатной.
А в то время—то приехал нонь арап да заморьской
80 Да к тому же ко князю Бугригорьеву,
Не застал он Настасьи да Бугригорьевны:
Увёз—то Настасью Иван да сын да Годинович.
Он скакал тут арап на добра коня,
Догонил Ивана сына ноньце Годиновича,
85 А они делали нонь схватку да боһатырскую.
Поборол он арапа да арапа ноньце черного,
А забыл он кинжалищю да булатноё.
Говорил тут да Иван да сын да Годинович:
«Ох ты хой еси, Настасья да Бугригорьевна,
90 Ты неси—ко мне кинжалищю булатноё».
Говорит тут арап да заморьской же:
«Не носи—то, Настасья, ёму кинжалище,
Ище выбрось кинжалищю под ракитов куст,
А ты сдёрни Ивана сына Годиновича».
95 Она сдёрнула Ивана да Годиновича,
Привезали они Ивана да к дереву,
А зашли они в шатёр с Настасьей Бугригорьевной.
Розгорелосе у Ивана де сердце боһатырскоё,
Он сорвал тут ремни со белых—то рук,
100 И забежал тут Иван сын да Годинович,
Заколот тут арапа да арапа ноньце чорного
И поехал с Настасьей Бугригорьевной.

Они приехали к руцью да руцью глубокому,
 Говорил тут Иван да сын да Годинович:
 105 «Ох ты хой еси, Настасья да Бугригорьевна,
 Уж ты слезь ты слезь с коня доброго,
 Ты подай—ко подай мне напиться!»
 Поднесла она ведь чяру ключевой воды.
 — «А не надо мне от тебя ключева вода:
 110 Ты обнимала арапа да ноньче черного».
 Он отсек отрубил у ей праву руку.
 — «Ты подай—ко подай из левой руки!»
 Поднесла она ведь чяру ключевой воды.

246

— «А не надо мне от тебя из левой руки:
 115 Ты дёржала арапа да ноньче черного».
 Отрубил он у ей да нонь леву руку.
 — «Закуси ты зубами чару золочёную!»
 Поднесла она чару ключевой воды.
 — «А не надо мне да ключева вода:
 120 Чоловала ты арапа да ноньче черного».
 Он отсек у ей да буйну голову.

30

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

На счастье стара казака нонь Илья Муромця,
 Да на силу ту Добрынюшки ле Микитичя,
 На богатство на то Дюка ле Степановича,
 Роспостроен был у Дюк да был широкой двор,
 5 Он не мал и не велик дак на семи вёрстах,
 Было триста столбов в двори серебряных,
 Сто пятьдесят столбов дак позолочёных,
 Полтретьяста столбов дак скатна жемцюга,
 А ищо медных, железных да чисто сметы нет.
 10 А нонь падал Дюк ле сын Степанович
 А он своёй маменьке во резвы ноги,
 А он ведь просил—то блахословеньица великого:

«Еще съездить мне добру молодцу да во Киѣв град,
Да к тому же ле ко князю ко Владимиру».

15 Не давала ёму маменька дак бла҃гословленьице:

«Ты приедёшь ко князю да ко Владимиру,
Заведется пированьё—столованьё,
Заведется столованье да почесён пир.

Поднесут тебе чару да зелена вина,

20 Уж ты выпьёшь ведь чару зелена вина,
Уж ты выкинеш слово, которо да не надобно».

Он ведь падал ле Дюк во второй након,
Тогда дала ему маменька бла҃гословленьица.

Он скакал тут ведь Дюк дак на добра коня,

25 Он приехал ко князю да ко Владимиру.

Завелосе у его пированьё да столованьё,

Завелосе столованье да почесён пир

На тех сильных бо҃хатырей.

247

Поднесли ему цяру да зелена вина,

30 Он берёт—то ведь цяру да одной рукой,

Выпиват он чару ведь нонеча досуха.

И он и стал ноне Дюк тогда закусывать,

Он ведь верхню—то короцку на стол кладёт,

А как нижну—то короцку под стол гребёт:

35 «Ищо пахнут ваши хлебцы на сосенку.

У мойей—то ведь маменьки родимоей,

У нас печенки были да всё да муравлёны,

А помёлышка—ти были да всё шолковые,

В медову—то воду да всё помакивают,

40 А пирожок у нас съеш — на дру҃ой гледиш,

А дру҃ой—то съеш — третий пуще хочитца».

Распроговоят князя вси тут бояра:

«Ох ты хой еси, красно солнышко Владимир князь!

Во очах детинка да забохвалилса.

45 Ищо нать знать послать посланников да
скороходников,

Описать его всё да всё богатство—имущество».¹

Они прожили нонь у ей да как шесть месяцев

(Посланники),

А на третий—то имущества не могли описать.

— «Ой ты хой еси, красно солнышко Владимир
князь!

50 Уж пущай пошлёт маменька ему одёжды
самоцветные»

А послала она одёжды самоцветные,

Да не много не мало да петьдесят возов.

Вот после стали переодеваться. Ай до обеда он оденется,
после обеда другое, а которое сденет, то роздаст христа
ради, и все сироты—то сделались купечеством.

Тогда отпустили его ко своей маменьки.

31

[КНЯЗЬ МИХАЙЛО]

Был жил Михайло архангел,

Не владел он не руками да не ногами.

Да поеждял князь Михайло архангил

На свою службу да на верну,

5 Его маменька да родима

Со двора сына спроводила,

248

Парну баенку затопила,

Серой камешек нажигала,

Из нутробы младеня да выжыгала.

10 Вырубала она ему да колоду,

Трубчату ле белу берёзу.

Заколачивала она кнегину Катерину,

Наколачивала она обручи да железны.

Как вывозила она ету белу колоду

15 Во синё морё да Хвалыньско,

¹ Этот стих не спел, а сказал словами.

- Как спускала она эту колоду
Во синё морё да Хвалыньско.
Приеждяёт князь Михаиле архангел
Со своей—то службы он великой
20 Ёго маменька да стретаёт.
И говорил князь Михаило архангел таково слово:
«Уж ты маменька да моя родима,
Уж и где моя кнегина да Катерина?
— «Уж ты, дитетко да сердечно,
25 Как твоя—то кнегина у суседа да на бесёды,
У суседа да на палатях,
На тесовых да на кроватях».
Тут пошол князь Михаило да ко суседу,
Ко суседу да на беседу,
30 Он спрашивает кнегину Катерину.
Говорят—то князю Михаило да архангелу:
«Как твоя—то маменька родима
Со двора сына спроводила,
Парну баенку затопила,
35 Серой камешек нажигала,
Из нутробы младеня да выжыгала,
Вырубала она ему да колоду,
Заколачивала она твою кнегину Катерину
В трубчату ле белу берёзу,
40 Наколачивала она на колоду
Как три обруча да железны,
Вывозила она да эту колоду
К синю морю да Хвалыньску,
Как спускала она эту колоду
45 Да во синё морё Хвалыньско».
Вот и конец.